

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

МЕНЯЮЩИЕСЯ ПАРАДИГМЫ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются варианты классического подхода к интерпретации текста и те парадигмы текстуальности, которые возникли по мере проникновения в теорию текста целого ряда инноваций: работ по теории литературы, современной лингвистике, семиотике, а также деконструктивистских идей, возникших в герменевтике и философии. Предлагается трактовка текста как сложного семиотического образования. Очерчиваются взгляды П. Рикёра, Ж. Дерриды, Р. Барта, Ю. Кристевой. Анализируется концепция гено- и фонотекста последней. Делается вывод о возможности конструктивного использования некоторых новейших парадигм текстуальности в гендерной лингвистике. Устанавливаются немногочисленные объединяющие черты для всех обсуждаемых парадигм. Выделяются те из них, которые могут быть полезными для антропоцентрического описания языка: понимание текста как цели и результата языковой деятельности, а также интерпретация личности человека, пользующегося языком, как параметра, определяющего характеристики текста.

Введение. Меняются эпохи, научные школы, возникают новые направления в самых разных областях гуманитарных знаний, а текст все продолжает оставаться притягательным объектом исследования, неиссякаемым в своих тайнах, время от времени открывающим исследователям все новые свои грани. На настоящем этапе дальнейшее описание особенностей построения и функционирования текста как важнейшей (по убеждению многих лингвистов, самой важной) единицы языка и коммуникации в значительной мере связано с постижением пройденного, обобщением достигнутого, установления сущности и роли наиболее продуктивных и влиятельных направлений его интерпретации.

Целью настоящей работы как раз и является рассмотрение важнейших парадигм текстуальности, полезных для современных лингвистических исследований, в особенности тех, которые проводятся в рамках широко известного антропоцентрического подхода к описанию языка, то есть тех, которые полагают невозможным постижение языка без последовательного учета фактора человека. В качестве одного из таких направлений в последнее время заявила о себе гендерная лингвистика, стремящаяся показать особенности репрезентации гендерной идентичности языкового субъекта в порождаемых данным субъектом текстах.

Задачами исследования, вытекающими из поставленной цели, правомерно считать следующие:

- 1) представление сущности феномена текста как единицы языка и коммуникативного поведения;
- 2) рассмотрение важнейших парадигм текстуальности, представляющих интерес не только с точки зрения теории текста вообще, но и их вклада в исследования языка сквозь призму гендера.

Новизна работы состоит в попытке отбора теорий текстуальности, определенным образом связанных или могущих быть полезными для исследований языка сквозь призму гендера.

Основная часть. Существующее разнообразие теорий текстуальности, на наш взгляд, можно свести к следующим важнейшим направлениям. *Первое* из них, при всей вариативности конкретных представлений его сторонников, нераздельно объединяет автора, его личностные черты, контекст ситуации и смысловые характеристики текста в одно целое. Согласно данному направлению подлинный смысл текста может быть адекватно установлен только при расшифровке отмеченных важнейших смыслообразующих факторов. Соответственно, их понимание текста варьирует в зависимости от той роли, которую они придают названным конституэнтам смысла текста. *Другое* направление видит содержание текста как нечто, возникающее в результате действия более широкого диапазона возможностей его истолкования. Отмеченная плюралистичность возможностей порождается или системой знаков самого текста и его отношениями с другими текстами, или теми отношениями, которые существуют между текстом и читателями, слушателями, зрителями или вступающими в общение группами людей, так называемыми коммуникативными сообществами, или и теми, и другими, и третьими. *Третье* направление пытается идентифицировать текст через его языковые характеристики.

До относительно недавнего времени в практике интерпретации текстов доминировала классическая парадигма текстуальности. В соответствии с данной традицией текстами считались те отрезки упо-

требления языка, которые были призваны выразить мысли и идеи продуцирующих их субъектов и соотносились при этом с состоянием дел в экстралингвистическом мире. Фактически, текст рассматривался как лингвистически опосредованный или реализованный языковыми средствами результат действий определенной личности или личностей в конкретном ситуативном контексте [1, с. 32 – 33; 2, с. 607 – 613]. Последним (ситуациям и личности) уделялось самое непосредственное внимание.

Данный подход берет начало в глубокой древности и, по сути, не менялся на протяжении многих веков, даже в самые критические периоды возникновения новых теорий [3]. Хотя небольшие изменения в приоритетах наблюдались. В частности, произошли некоторые смещения акцентов, в соответствии с которыми стали обращать внимание на жизненный мир реципиента текста. Кроме того, произошел сдвиг от понятия *мысли автора* к разделенной жизни автора или создателя текста. Однако главным по-прежнему оставался продуцент, автор, в основном пишущий, а не говорящий, и ситуация, из которой он нес текст миру [4]. Они, пишущий и ситуация, рассматривались как часть текста. При этом количественные характеристики текста во внимание не принимались. Под текстом понималось некое речевое или письменное высказывание любой протяженности, главным признаком которого является смысловая завершенность и определенная коммуникативная значимость. Так, табличка «Выхода нет» в метро в соответствии с данным подходом только на первый взгляд представляет собой письменное высказывание, причем весьма пессимистическое по своему характеру. На самом деле данная надпись представляет собой завершенный текст, дающий исчерпывающую информацию о поведении в конкретной ситуации. Аналогичным образом завершенными текстами являются однословные надписи «Окрашено», «Не входить», «Цветы» и даже буквенные обозначения «М» (метро), «А» (автобус), «Т» (такси) [5, с. 51 – 52]. Несмотря на минимальную протяженность тексты понятны, ибо их вербальная составляющая великолепно соотносится с определенными невербальными фрагментами действительности – окрашенной скамейкой, кабинетом врача (не входить), клумбой и т.п. Неслучайно нерелевантность количества единиц, образующих текст, при его определении акцентируется многими виднейшими текстологами-лингвистами: И.В. Арнольд, О.И. Москальской, М.А.Л. Халидзем, Р. Апресяном, А.А. Залевской, Л.Г. Васильевым, Н.В. Петровой. Весьма красноречиво данная мысль прослеживается в аналогии с математическим понятием множеств, приводимой И.В. Арнольд. В математике множество остается множеством, даже если оно состоит только из одного элемента. Более того, возможны и пустые множества. Аналогичным образом в языке слово может состоять всего из одной морфемы, предложение – из одного слова, а текст, соответственно, из одного предложения. Вероятность таких слов, предложений и текстов относительно невелика, однако они возможны [6, с. 149].

В течение последних десятилетий представленный весьма распространенный подход во всех его вариантах оказался перед необходимостью осмысления толкований текста, принятых в некоторых смежных дисциплинах. Разрушение прежних представлений и необходимость переоценить или еще раз продумать формулировки и важнейшие постулаты возникли по мере проникновения в теорию текста и его интерпретации целого ряда новаций: работ по теории литературы, достижений в области лингвистики и особенно отпочковавшейся от нее смежной дисциплины – семиотики, а также теорий деконструктивизма, развитию определенных традиций в герменевтике и философии, особенно в тех их частях, которые многим обязаны социологии знания и которые предполагают трактовку культуры как сложного семиотического образования.

Постепенно в гуманитарных областях знания сформировалось так называемое широкое понимание текста, которое обусловлено прежде всего развитием семиотических теорий, науки о знаках. Термин «текст» под их влиянием оказался приложимым не только к языковым сущностям. Так, интерпретация культуры как знакового по своей организации феномена привело к пониманию ее и составляющих ее явлений как текста. Наиболее яркий защитник идеи тотальной текстуальности Ж. Деррида концептуализировал текст как некую тотальность, абсолютно лишенную каких бы то ни было «берегов». При таком подходе текст – это не просто речевой акт, устный или письменный. Любой объект действительности, например, стол, интерпретируется им как текст. То, как он воспринимает стол – долингвистическое восприятие – уже само по себе мыслится им как текст [7, с. 125]. И поскольку культура и все существующее в мире концептуализируется как текст, то субъект неизбежно оказывается внутри текста. В результате его сознание также может быть представлено в виде некой суммы текстов. При таком подходе под текстом понимается абсолютно все, что воспринимает и порождает языковая личность. То есть текст – это не только вербальная сущность. Термином текст в таком случае правомерно обозначать решительно все, что может быть знаком в этом мире. Отсюда вытекает возможность и реальность текста сновидения, текста сознания, текста культуры, текста забытья, текста радости или несчастья. Оснований для представленного максимально широкого использования термина «текст» оказывается, если следовать утверждениям Ж. Дерриды, более чем достаточно [14, с. 181 – 189].

Максимальная тотализация понятия текст далеко не единственная его характеристика при таком подходе. Так, если в других парадигмах, структуральной в том числе, каждый текст мыслится как замкнутая структура, то в теории Дерриды, как и других постструктуралистских концепциях, текст – это прежде всего открытая структура, ибо в любом тексте всегда обнаруживаются следы других текстов. Наличие в тексте черт этих других текстов обозначается термином «интертекстуальность», который был введен в научный обиход Ю. Кристевой [8, с. 36 – 38]. Данный термин постулирует весьма важную для обсуждаемого подхода мысль, что текст в принципе порождается как интертекст и поэтому он может быть понят лишь в связи с другими текстами. Кроме того, интерпретация текста как интертекста подразумевает невозможность его автономности: текст как автономное образование видится как нонсенс. Отсюда вытекает важнейший тезис постструктуралистских концепций о несамостоятельности текста.

Безграничность и интертекстуальность отнюдь не исчерпывают перечень тех параметров текста, которым придается особая значимость в концепциях текстуальности постструктурализма. Под последним мы, вслед за И.П. Ильиным и И.В. Петровой, понимаем подходы в осмыслении культуры, сложившиеся в 70 – 80 годы XX века на основе преодоления и трансформации структуральной парадигмы [7, с. 125]. Особая роль в формировании и проявлении всего неструктурного в структуре в соответствии с данными подходами принадлежит первичному биопсихологическому импульсу, задающему главные параметры активности индивида и детерминирующему массовое сознание. В одной из теорий таковым признается «чистое бытие желания» [9, с. 69 – 70].

Для М. Фуко данное «чистое бытие желания» манифестируется в понятии «желание власти». Он убедительно показывает, что каждая эпоха в истории представлена определенной системой знаний. Каждая такая система вытекает из дискурсивных практик различных дисциплин. В своих исследованиях М. Фуко доказывает, что в каждую эпоху научные дисциплины, как правило, имеют весьма сходные, однотипные правила исследования и построения своих теорий. Данная однотипность, однако, не осознается, а если замечается, то считается естественной [10; 11]. Совокупность этих правил в концепции Фуко обозначаются термином эпистема, которая мыслится как структура, существенно обуславливающая появление определенных взглядов, научных теорий и наук в тот или иной исторический период [12, с. 1230]. Данная структура реализуется в виде языковой нормы, бессознательно направляющая и обуславливающая мышление субъектов каждой культуры. Система властных отношений в свою очередь полностью подчиняет и определяет эпистему, лишает ее объективности. В результате коррелятом любого текста культуры в концепции М. Фуко в конечном итоге являются властные отношения. Отсюда интерес многих исследователей к тексту, к обнаружению в нем «властных мифологий». Отсюда в значительной мере берут свое начало теории, заложившие основы критики политической некорректности языка, составившей целую эпоху в гендерных исследованиях, особенно в США.

Менее экстремистская, однако весьма будоражающая концепция текста представлена в трудах П. Рикёра, который утверждает, что фиксация текста с помощью письма сделала последний автономным в отношении интенций автора. Сигнификации текста, его смысл не совпадают больше с тем, что имел в виду автор [13, с. 139]. Текст представляет собой определенный труд или структурированную целостность, совокупность, не сводимую к предложениям, из которых он состоит. Он (текст), конечно же, остается продуктом автора, но в своем эссе, озаглавленном «Текст. Что это такое?», Рикёр настоятельно разъясняет, что реципиент, интерпретатор не присутствует во время действий по написанию текста. В свою очередь, тот, кто пишет текст, отсутствует во время акта его восприятия. Текст, таким образом, предполагает двойное затемнение, двойное устранение: сначала реципиента, затем автора. Следовательно, происходит замена отношений, существующих в реальном общении, в настоящем коммуникативном поведении, когда голос одного непосредственно передается в слуховой канал другого [13, с. 148]. Текст становится «эмансипированным», то есть свободным от устной ситуации общения, от окружения и событийной среды дискурса [13, с. 148]. Подготавливается то, что Рикёр называет феноменом дистанцирования, который ведет к затемнению «обстоятельств мира» в «квазимире» текста [13, с. 131 – 144].

Жак Деррида и Ролан Барт развивают данный подход, радикализируя само понятие текстуальности. В частности, Деррида пишет, что трактовка понятия *текст* в последние десятилетия изменилась. Текст, как уже отмечалось, перестал быть какой-то совокупностью письменных знаков или неким содержанием, заключенным в рамках определенной статьи или книги. Текст представляет собой некую дифференциальную сеть или матрицу, или ткань с узорами, находящуюся в состоянии постоянного соотношения с чем-то еще, с другими матрицами, тканями или дифференциальными сетями, бесконечно отсылающими к чему-то отличному от себя, к другим дифференциальным следам – знакам – признакам [14, с. 83]. Барт соглашается с предложенной метафорической интерпретацией текста как некой сети, которая больше не сопровождается какой бы то ни было подписью автора. Текст плюралистичен, ему присуще множество смыслов. Даже библейские тексты, считает он, позволяют дифракцию их смысла [15, с. 11].

Как известно, П. Рикёр разделяет мир текста на три сферы: пространство до текста, текст и мир текста за ним, то есть пространство «после текста» [13, с. 142 – 144]. Если мы поместим себя перед текстом, то почувствуем его трансформирующее воздействие. Текст проецирует на коммуниканта свой мир, в который мы можем войти и который может изменить нас или наши представления о самых разнообразных понятиях. Тексты, фиксирующие подлинное коммуникативное поведение, в частности проецируют огромный мир, который можно представить одновременно и как мир определенных временных последовательностей, фиксирующих каждая в отдельности и все вместе, в своей совокупности, как происходили коммуникативные действия, и как некий мир социальных отношений и социальных систем. Эти социальные конструкты отражают то, как члены определенного социума, коммуниканты осуществляют в поведении категоризацию своего опыта, придавая ему определенную форму. То же, что случилось до текста, может отражать не менее важные интересы исследователя. В настоящее время, однако, когда столько внимания уделяется речевым действиям, интерес исследователя все чаще сосредоточивается вокруг того, что текст приводит в действие, в определенное движение. Принято говорить даже о «прорыве» в анализе текстового материала. Данный прорыв интерпретируется как изменение в парадигме анализа, когда исследователь в известной мере уходит от событий и персоналий до текста, чтобы полностью заняться имеющимся в его распоряжении в данный момент текстом и теми действиями, которые он (текст) производит во внешнем мире, влияя на современного читателя, зрителя и слушателя.

Изменения в восприятии природы текста, происшедшие в рамках данного направления, пришли с пониманием того, что текст не только субструктура знаков или сигналов, передаваемых в определенном коде, пусть и открытая, но что это также определенный процесс, некое производство. Текст актуализируется в ходе коммуникативного акта или события. В соответствии с данным подходом законченный продукт действия трансформируется в процесс, который получает новое название *дискурс*.

Описанные интерпретации представляют собой текст в наиболее общем виде. Вместе с тем они помогают открыть новые горизонты в исследовании такого важного феномена, каковым является текст.

Анализируя, какие нюансы внесло привлечение личности автора и адресата в мир текста, нельзя не обратить внимание на так называемый гендерный подход. Последний поставил на повестку дня пересмотр, казалось бы, давно устоявшихся понятий, например, таких как сущность нормы, проблемы количественных и качественных характеристик текста, вопрос об идентичности, то есть о том, как существующие во всем реальном разнообразии гендерные варианты участвующей в коммуникативном процессе личности отражаются сначала в производстве, а затем и в означивании текста. Гендерный подход исходит из базовой роли многогранного и неизбежно гендерно дистинктивного предшествующего каждому конкретному акту общения опыта коммуниканта как в понимании, так и в продуцировании текста. Он категорически отрицает правомерность рассмотрения опыта и специфики знания только в исключительно понятийном, то есть логическом ключе, мощно выступает против генерализаций и оппозиций как единственно возможных приемов исследования. Текст понимается как сложный языковой знак, в процессе сначала создания, а затем и означивания, в котором гендерный фактор играет существенную, всепроникающую роль.

И хотя в рамках гендерного подхода поставлено значительно больше вопросов, чем получено на них убедительных ответов, все же есть некоторые заслуживающие внимания попытки интерпретации целого ряда проблем, в том числе и проблемы текста. Таковой, на наш взгляд, является трактовка понятия *текст*, представленная в работах Ю. Кристевой, в частности в ее трудах «Семиотика» [16], «Революция поэтического языка» [17] и «Система и говорящий субъект» [16]. Сущность текста в ее интерпретации вытекает из ее видения языка и объясняется с помощью введенных ею терминов *генотекст* и *фенотекст*. В названных работах Ю. Кристева делает попытку заглянуть «по ту сторону языка», представить предвербальное или довербальное существование субъекта, то есть существование, в котором безраздельно господствует бессознательное. Выступая в русле общего постмодернистского направления, она стремится уйти от активизировавшихся после Ф. де Соссюра исследований структурного уровня языка к его внеструктурному состоянию и переходит от значения к особенностям процесса означивания. Однако в этой ее солидарности с постструктурализмом наблюдается много существенных отличий, ее собственных моментов поиска истины. Последние, возможно, объясняются ее хорошим знанием работ Фрейда и Лакана. Не принимая полностью ряд их положений, Ю. Кристева, тем не менее, разделяет утверждение Лакана о примарной роли языка в психической жизни человека, а также его убежденность в том, что субъект в символическом существует только как сексуально маркированная сущность, то есть он всегда занимает определенную позицию на шкале сексуальности. Фокус ее исследований, однако, в другом. Внимание Кристевой занимают те отношения, которые не заинтересовали Фрейда и Лакана, а именно отношения матери и ребенка. При этом она утверждает значимость до-эдипового, которое всегда в том или ином виде присутствует, хотя и в значительной мере заглушается, подавляется, трансформиру-

ется социумом. При этом, как и Лакан, она постулирует значимость флюидных, полиморфных, но, тем не менее, упорствующих, упрямствующих либидных устремлений.

Психоанализ Лакана, несомненно, является основополагающей концептуальной и методологической основой работ Ю. Кристевой, в которых она разрабатывает свою теорию текстуального означивания, свою семиологическую концепцию, так называемый семанализ (*semanalyse*), являющийся альтернативой семиологии Ф. де Соссюра и одновременно формой «перевода» психоаналитических идей Фрейда и Лакана на язык лингвистики и семиотики. Данная теория, по мысли Кристевой, предлагает адекватную форму исследования тех радикальных означивающих практик, которые всегда были маргинальными. Ее семанализ делает акцент на понимании значения не как знаковой системы, но как означивающего процесса. Однако, в отличие от Лакана, Ю. Кристева всегда учитывает исторические и социокультурные аспекты процесса означивания (сигнификации) и связанной с ним субъективности. Кроме того, для Лакана воображаемое функционирует только в визуальном регистре. Для Ю. Кристевой, напротив, важны все органы чувств. Для нее воображаемое организуется не только потенциалом визуального, но также и голосом, осязанием, ощущениями запаха и вкуса. По мнению Кристевой, Лакан и многие другие исследователи слишком сильно концентрируются исключительно на вербальном языке в ущерб другим линиям или моделям, возможностям сигнификации [16, с. 101]. Более того, в отличие от Лакана, который постулирует дистинктивность, четкое различие между воображаемым и символическим, Ю. Кристева подчеркивает континуальность, неясность перехода одного в другое.

Она концентрирует внимание на до-эдиповых или предзеркальных стадиях отношений и процессов, обычно упускаемых исследователями из вида [16]. Кристева стремится уйти от Соссюровского понятия *langue*, восстановив говорящего субъекта как нечто децентрализованное, в котором могут сочетаться самые разные черты и характеристики. А язык видится ей не как монолитная система, а сложный гетерогенный процесс сигнификации, локализованный в субъектах и между субъектами. Язык креативен и продуктивен, он вовсе не является только регистратором или отражением социальных отношений [16, с. 31 – 32].

Такие ее взгляды на язык неизбежно отразились и на понимании сущности текста. В соответствии с ее точкой зрения текст следует «динамизировать», вдохнуть в него жизнь, то есть имплантировать в него порождающего текст субъекта и ту работу дифференциации и стратификации, которая совершается в языке [17, с. 29]. И именно такой оживленный, «динамизированный» текст является объектом ее семанализа. Она вводит два основных термина для разъяснения сущности текста – *генотекст* и *фенотекст* [17, с. 25 – 40]. По мнению Кристевой, обсуждаемая ею динамизация осуществляется на критической границе, на самом острие раздела между генотекстом и фенотекстом. Описывая, чем отличаются последние (то есть генотекст и фенотекст), Кристева утверждает, что они соотносятся друг с другом, как глубина и поверхность или как значащая структура и означивающая деятельность. Генотекст выступает как основа, находящаяся на предъязыковом уровне. Поверх него расположено то, что в ее интерпретационной системе получило название фенотекста. Согласно Кристевой, генотекст – это тот абстрактный уровень функционирования языка, который предшествует фразовым структурам любой определенности и противостоит любой завершенной манифестации языка, реализации любой его структуры. Более того, даже если генотекст обнаруживается в языке, он неуловим методами структурной лингвистики. Генотекст определяется Кристевой как глубинное основание языка, как тот уровень текста, который существует вне каких бы то ни было лингвистических структур, вне любых манифестаций языка, в виде определенной неструктурированной смысловой множественности. При этом такой множественности, в которой нет субъективности или коммуникативной интенции. Это некий процесс, порождающий нестабильные, легко разрушаемые и неозначивающие образования. Последние обуславливают матрицы высказывания, предшествуют любым дискурсивным жанрам и стилям, ибо генотекст охватывает все семиотические процессы, все рассредоточенные импульсы (предметную среду, до-эдиповские отношения с родителями). Более того, он описывает также и возникновение символического, отражает возникновение объекта и субъекта, сотворение самого ядра значения [16]. Согласно Кристевой, генотекст выступает как процессуальный феномен, не блокированный дискретностью конкретного коммуникативного акта [18, с. 156].

Фенотекст, напротив, является структурой, манифестирующей именно конкретные коммуникативные акты и приобретающей определенные границы. Кроме того, он предполагает наличие как субъекта, так и реципиента, к которому направлено высказывание. Генотекст интерпретируется ею как находящаяся на доязыковой стадии основа, а фенотекст как результат происходящего, означивание мыслится как остывающая в фенотекстах практика структуризации и деструктуризации [19, с. 243].

Многочисленные предписания и ограничения, в основном социального характера, связывают процесс означивания, определяют его конкретную форму, останавливают в том или ином месте посредством фиксированных, фрагментарных символических единиц. Фенотекст и является результатом такой остановки. Таким образом, фенотекст – это то, что соотносится с языком коммуникативного поведения, он постоянно дискретен и разделен. Более того, он подчиняется правилам коммуникации и прежде всего

предполагает продуцента и реципиента, то есть говорящего и слушающего, читающего и пишущего. Фено-текст – это то сотворенное средствами языка произведение, в котором уже появляются тайные и явные социальные коды, проявляются формулы и правила определенной культуры. Из чего следует правомерность понимания фенотекста как сложного иерархически организованного знака (или последовательности знаков), обладающего в той или иной мере устойчивым смыслом и содержащего определенные явные или скрытые штрихи, черточки, отметины, обусловленные его социокультурными детерминантами [18, с. 156].

Генотекст и фенотекст не исчерпывают интерпретацию сущности текста, предложенную Ю. Кристевой. Более известен введенный ею термин или концепт интертекстуальности [17, с. 59 – 60], который проливает свет и на то, что есть текст. В настоящее время термин *интертекстуальность* понимается весьма неоднозначно. Одно из более полных описаний вариантов интерпретации введенного Кристевой понятия содержится в объемном томе «Интертекстуальность: теория и практика» [20]. Даже поверхностный анализ содержащихся в нем точек зрения показывает, что в большинстве своем исследователи приходят к выводу о том, что интертекстуальность предполагает значительно больше, чем аллюзии, возникающие между текстами или продуцируемые одним текстом в отношении фрагментов другого текста.

Для исследователя текста феномен интертекстуальности привносит новый аспект или горизонт видения объекта анализа. Текст оказывается связанным многими нитями с другими текстами, испытывающими воздействие многих предшествующих текстов и в свою очередь влияющими на последующие. Понятие интертекстуальности, таким образом, вносит новое измерение в деятельностный подход в интерпретации текста. Последний оказывается не только объектом, но субъектом действий. В крайней, радикальной интерпретации в свете теории интертекстуальности текст оказывается «neither message nor medium» (и не посланием, и не медиумом), то есть чем-то неочерченным. Его сущность определяется через отрицание способности текста нести определенный смысл – мессидж или быть медиумом [21, с. 332 – 335]. Текстуальные смыслы «освобождаются» с тем, чтобы присоединиться к бесконечной флуидности. Остается только их способность отсылать к чему-то за своими пределами, к другим текстам, явлениям в громадной сети знаков, установленных традиций.

Заключение. Обобщая представленные точки зрения, правомерно признать очевидное отсутствие в них однозначного толкования понятия текст. Вместе с тем вырисовывается достаточно устойчивая трактовка его как сложного коммуникативного и семиотического события, которое может быть понято только в связи с другими текстами. Кроме того, объединяющим началом правомерно признать понимание текста как цели и результата или продукта устной или письменной языковой деятельности и значимость фигуры человека, пользующегося языком. В таком широком понимании текст неизбежно становится главным источником исследования языка, осмысления всех его форм, особенностей и категорий. Сказанное особенно справедливо для тех направлений лингвистики, которые обозначаются термином антропоцентрические и которые помещают говорящего и пишущего субъекта в центральную часть своих размышлений о языке.

Представляется, что изложенные в настоящей работе теории текстуальности в значительной мере так или иначе перекликаются со многими идеями, аргументированно представленными в многочисленных трудах по лингвистике текста. Или, по крайней мере, допускают возможность условий, при которых правомерны или неправомерны важнейшие выводы лингвистов о тексте. Сказанное прежде всего справедливо в отношении:

- идущего еще от Бенвениста заключения о том, что именно референция, то есть соотнесенность с соответствующей ситуацией, является главной дистинктивной чертой текста и отличает его от других единиц языка;
- что в каждом конкретном тексте реализуется антиномия системность/индивидуальность;
- что текст мертв без акта его познания;
- что текст представляет собой системно-структурное образование, отличающееся определенной организацией, которая обеспечивается конкретностью, глубинной и поверхностной, локальной и глобальной;
- что связность и цельность – основные свойства текста;
- что антиномия текст как процесс и текст как продукт отражает связанные между собой, но весьма отличающиеся стороны одного феномена;
- что текст есть нечто объективно существующее, явление, некая предикативная единица, с помощью которой говорящий субъект вписывает в окружающую действительность, отраженную в его сознании картину мира;
- что текст по-прежнему – загадка, требующая дальнейших исследований.

Вместе с тем представленные в данной работе теории текстуальности существенно радикализируют и дополняют многие выводы лингвистов, даже ставят под сомнение абсолютную справедливость ряда из них, что делает очевидным необходимость дальнейших исследований текста и текстуальности. Кроме того, они подсказывают некоторые идеи для сопредельных, основанных на тщательном анализе

текста направлений в исследовании языка. Так, для гендерной лингвистики представляется весьма продуктивной идея тотального текста, правда, без экстремальных коннотаций деструктивности, присутствующих известным постструктуральным парадигмам текстуальности; концепция П. Рикёра о пространстве до текста и пространстве после него, мысль о плюралистичности текста и особенно об интертекстуальности и фено- и генотекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Firth, J.R. Papers in Linguistics, 1934 – 1951 / J.R. Firth. – London: Oxford University Press, 1957. – 407 p.
2. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Vol. 2. – Cambridge: CUP, 1977. – 780 p.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 316 с.
4. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
5. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М., 1997. – 224 с.
6. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
7. Петрова, Н.В. Текст и Дискурс / Н.В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123 – 131.
8. Kristeva, J. The Bounded Text / J. Kristeva // Desire in Language. – NY: Columbia University Press. – P. 36 – 63.
9. Дубровин, В.Н. Постструктурализм / В.Н. Дубровин // Философия. Краткий тематический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 107 с.
10. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. – 298 с.
11. Фуко, М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: А-скад, 1994. – 408 с.
12. Грицанов, А.А. Эпистема / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 2001. – С. 1230 – 1232.
13. Ricoeur, P. Hermeneutics and the Human Sciences / P. Ricoeur. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1981. – 418 p.
14. Derrida, J. Deconstruction and Criticism / J. Derrida. – London: Routledge and Kegan Paul, 1979. – 244 p.
15. Barthes, R. From Work to Text / R. Barthes // Textual Strategies. Perspectives in Poststructuralist Criticism; ed. Josue V. Harari, Ithaca: Cornell University Press, 1979.
16. Selected Writings / ed. N. Moi. The Kristeva Reader. – Oxford: Basil Blackwell, 1986.
17. Kristeva, J. Revolution in Poetic Language / J. Kristeva. – New York: Columbia University Press, 1984. – 207 p.
18. Усманова, А.Р. Генотекст. Фенотекст / А.Р. Усманова // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – С. 156 – 157.
19. Можейко, М.А. Диспозитив семиотический // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – С. 243 – 244.
20. Intertextuality: Theories and Practices / ed. by M. Worton and J. Still. – Manchester: Manchester University Press, 1990. – 512 p.
21. Thiselton, F.C. Hermeneutics / F.C. Thiselton. – Cambridge: William B. Eerdmans PC, 2009. – 409 p.

Поступила 12.06.2012

VARIABLE PARADIGMS OF TEXTUALITY IN HOME AND FOREIGN LINGUISTICS

M. POUTROVA

The article considers some basic variants of classical approach to the interpretation of text and explores the paradigms of textuality which came into being together with a number of innovations in literary theory, modern linguistics, semiotics as well as together with some deconstructive ideas in Hermeneutics and Philosophy related to the interpretation of text. It offers the understanding of text as a complex semiotic entity and outlines approaches of P. Ricoeur, J. Derrida, R. Barthes, J. Kristeva. Special attention is given to the theory of geno- and phenotext of the latter. The article claims the possibility of creative usage of the new paradigms of textuality and works out a few common features for all approaches which are significant for the anthropocentric description of language. They are as follows: viewing the text as the aim and product of language activity and interpreting the speaking subject as a relevant variable for the manifestation of text.